

Т Р И Б У Н А О Н О М А Т О Л О Г А

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2008. № 6

А. К. Матвеев

ТЕНДЕНЦИИ И ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ УРБНОМИНАЦИИ

Географическая карта и самой маленькой страны, и такой большой, как Россия, мертва без топонимов. Карта оживает благодаря средствам языка. А топонимия – живой организм. Изменения в этническом составе населения, общественном строе, экономике стирают с карты целые пласты названий и порождают новые. Новации в пределах населенного пункта или района обычно замечают только местные жители. Но есть наименования, изменения которых так или иначе затрагивают каждого гражданина страны. Это названия областей и крупных населенных пунктов – городов, в смутные времена очень уязвимые. Казалось бы, по отношению к ним необходима особенная продуманность и осторожность актов наименования и переименования, ведь искусственное создание названий – непростой творческий процесс, где возможны ошибки и неудачи. Однако политические страсти и торопливость в сочетании с некомпетентностью иногда порождают такие топонимические ляпсусы, которые применительно к крупным объектам нелегко исправить.

Проблема топонимических катаклизмов в российской действительности может рассматриваться как в аспекте первичной номинации (первонаименования), так и вторичной (переименования). Разумеется, между первоименованием и переименованием много общего. Но есть и существенная разница. Первоименование, основываясь на топонимической системе, прежде всего обращает внимание на сам безымянный объект. Переименование, напротив, в первую очередь исходит из данных топонимической системы. Первоименование как факт только начинает свою историю, а переименование имеет дело с уже названным, с историческим

фактом топонимической системы. Отсюда разные задачи и способы их решения, причем процедура переименования более сложна и болезненна, что и демонстрирует практика современных российских переименований.

Проблема переименования крупных объектов как одного из процессов искусственной номинации имеет три стороны: политическую (шире – идеологическую), которая вызывает переименование, экономическую (финансовую), которая его обеспечивает, и языковую (топонимическую), которая обуславливает вхождение, встраивание названия в топонимическую систему, его соответствие нормам языка и культурно-эстетическому идеалу, проще говоря, его удачность.

Политические корни переименования известны. Власть, особенно тоталитарная, стремится увековечить себя не только в памятниках, но и в именах. Меняются власть, границы, этнический состав, отношение к коллегам – меняется и топонимия. Так было в древности, то же самое происходит и в наши дни. И нет никакой принципиальной разницы между исчезновением названий городов *Зиновьевск* в 1934 г., *Молотов* в 1957 г. и наименования реки *Яик*, которая стала *Уралом* в 1775 г. по указу Екатерины II как реакция на пугачевское восстание. А в бурные времена переименования могут стать неоднократными и разнопричинными. Именно таков топонимический пируэт *Владикавказ – Орджоникидзе – Дзауджикау – Орджоникидзе – Владикавказ*.

Перестройка конца XX в. в очередной раз изменила российскую топонимию. Вернулось название страны – *Россия*, исчезают советские названия, возвращаются досоветские. Смущает одно – отсутствие последовательности в переименованиях. На карте больше нет *Ленинграда* и *Калинина*, а *Калининград* остается. Появляются *Санкт-Петербург* и *Екатеринбург*, но области сохраняют названия *Ленинградская* и *Свердловская*. Как это случилось, не столь важно. Ясно, что мы имеем дело с издержками перестройки, достаточно смутного времени. А главное упущение здесь не в скрытом намеке на возможность реванша, которую может усмотреть только очень бдительный политолог, и не в нарушении топонимической системности: ведь названия административной территории и ее центра могут быть образованы от разных слов, как *Приморский край* и *Владивосток*. Беда прежде всего в политической и административно-организационной непоследовательности. Это может показаться мелочью, но из таких «мелочей» складывается представление о стране и ее престиж. Беспорядку в нашей топонимии удивляются даже за рубежом. В новом венгерском ономастическом журнале читаем: «Общеизвестны изменения названий вследствие перемен политических режимов... *Ленинград* опять стал *Санкт-Петербургом*... В то же время интересно, что... область, окружающая *Санкт-Петербург*, все еще называется *Ленинградской областью*» [Матичак, 2007, 31].

Экономическая (финансовая) сторона вопроса прозрачна: переименования – дело хлопотливое и дорогое. В наши дни глобального банкротства вроде бы и говорить о них неудобно. Но есть деньги и есть принцип, а речь идет о принципе и о будущем.

В ходе перестройки город *Куйбышев* стал снова *Самарой*, центром *Самарской области*, *Калинин* – *Тверью*, центром *Тверской области*, а *Екатеринбург*,

бывший *Свердловск*, остался центром *Свердловской области*. Прошло почти два десятилетия. И недавно екатеринбургские краеведы опубликовали несколько статей, в которых пытались обратить внимание местной администрации на необходимость изменить название области, поскольку Свердлов – не та фигура, имя которой должно быть на карте [см.: Уральский краеведческий журнал, 2007]. Ответ пришел быстро: средства массовой информации растиражировали мнение, что переименование нецелесообразно, потому что Екатеринбургской области никогда не было. Однако не было на Урале и Челябинской, Тюменской, Курганской областей, а были губернии – Пермская, Тобольская, Уфимская, Оренбургская. Поэтому теоретически и методически ничто не мешает осуществить это переименование, было бы желание и возможности.

С научной и научно-прикладной точки зрения наиболее интересен собственно языковой (топонимический) аспект проблемы, хотя он часто связан с политической стороной, а иногда удивительным образом затрагивает и экономическую. Естественно, что специалиста прежде всего будут занимать тенденции, регулярности и пути, приемы переименования. Сразу оговоримся, что сам по себе факт переименования необязательно вызывается политическими мотивами. Так, возникновение одних и тех же названий в разных местах, их повторяемость обычно не создает проблем, поскольку они «разводятся» на уровне микросистем, что устраняет необходимость переименования. Но в рамках макросистемы в наименованиях крупных объектов повторяемость недопустима. Потому и возникают такие названия как *Каменск-Уральский* и *Петропавловск-Камчатский*. Изменения названий могут быть связаны, однако, не только с таким внешним фактором, как повторяемость, но и с их семантикой – устаревшей, незтичной, иногда даже неприличной, словом, так или иначе смущающей местных жителей, скажем, село *Гробовское*, деревня *Шайтанка* и т. п. Переименования такого рода обычны, но они, как правило, происходят в микросистемах.

У закрепившегося, принятого обществом названия есть своя природная семантика или коннотации, если имя заимствовано, есть своя история и свое место в топонимической системе. Но при решении вопроса о переименовании в первую очередь приходится думать не о семантике, а об историческом статусе имени. Что перед нами – впервые названный или уже когда-то переименованный объект? Как уже было сказано, переименование – процесс непростой и дорогой. Поэтому в случае повторного переименования абсолютный приоритет принадлежит решению вопроса о его необходимости, о целесообразности возврата прежнего исторического названия. Могут быть разные ситуации и возможны различные решения. Но восстановление, а следовательно, сбережение исторического имени всегда должно оцениваться как заслуга перед историей и культурой страны. Однако это возможно не всегда, так как не все старороссийское является лучшим. Исторический принцип – нельзя доводить до абсурда: название города *Царевококшайск* (после революции *Краснококшайск*, ныне *Йошкар-Ола*) не имело шансов на возвращение уже по лингвоэтническим соображениям, будучи, к тому же, структурно и эвфонически типичным топонимическим уродцем.

Необходимости в переименовании не было и во многих других случаях. Сравним названия двух больших городов – советские *Свердловск* и *Краснодар*, царские *Екатеринбург* и *Екатеринодар*. Первое с немецким *бург*, второе – с русским *дар*. Однако восстановили первое – *Екатеринбург*, но сохранили советское *Краснодар*, хотя еще В. Н. Татищев в XVIII в. упорно именовал Екатеринбург *Катерининском* или *Екатерининском*, а С. Т. Аксаков несколько позже возмущался появлением немецкого *бург* на Урале, правда, по отношению к *Оренбургу*. Тем не менее поступили разумно. Во-первых, наименование *Свердловск* из-за одиозности личности Свердлова действительно надо было менять, во-вторых, название *Екатеринбург* – историческое, и его лучше было сохранить, в-третьих, в русской переделке названия по Татищеву необходимости не было, к тому же форма *Екатерининск* неудачна фонетически из-за обилия глухих согласных и трудности образования производных. А славянофильскую эскападу Аксакова при всем уважении к нему можно оставить без внимания.

Что касается названия *Краснодар*, то оно не связано с конкретной личностью, а слово *красный* прежде всего означает цвет и красоту. Символизация революции – позднее переосмысление. Поэтому в многочисленных наименованиях типа *Краснодар*, *Краснокамск*, *Красноурьинск* и других им подобных «революционная» семантика постепенно стирается и уже с этой точки зрения нет необходимости в их переименовании. *Краснодар* – прекрасное название. Но ведь и *Екатеринодар* звучит хорошо, образно и, главное, это историческое название. Однако у топонима *Краснодар* есть еще одно преимущество – он в два раза короче: три слога против шести в несколько громоздком *Екатеринодар*, а это немаловажно с информационной точки зрения. *Краснодар* удобнее. В итоге советское название оказалось качественным, а вопрос о переименовании неактуальным. Тем не менее некоторые кубанцы ратуют за то, чтобы Краснодару было возвращено его историческое название *Екатеринодар* [Известия, 2009, 12 янв.]. Что же, это их право.

Если внутренняя форма непрозрачна с точки зрения русского языка, а от советского названия по той или иной причине следует отказаться, исторический подход всегда торжествует: заимствованные в древности названия *Пермь* (первоначально племя и земля) и *Самара* (первоначально река) были возвращены, а советские *Молотов*, *Куйбышев* уже забыты.

Однако бывают случаи, когда исходная иноязычность наименования может создать некоторые проблемы при восстановлении исторического имени. Это прежде всего касается названия *Санкт-Петербург*.

Дело в том, что для топонимии (как и вообще для ономастики) с развитием цивилизации и технического прогресса все более характерно усиление действия естественной тенденции к сокращению имен. Собственно само неофициальное *Питер* свидетельствует об этой тенденции. Но есть и другие показательные факты. Так, в постсоветском Екатеринбурге широко распространилось жаргонное *Ебург* или *Ёбург*. Трудно сказать, какой будет его судьба. Но вот что интересно: в далекой Южной Африке, в ЮАР, на рекламных афишах напечатано сокращенное обозначение города *Йоханнесбург* (*Johannesburg*) – *Joburg*, естественно, латиницей,

однако фонетически близкое екатеринбургскому. Уникальный, но примечательный случай проявления общей для разных языков тенденции к сжиманию информации и языковой экономии.

Когда началась дискуссия о переименовании Ленинграда, многие деятели науки и культуры предлагали вернуться к названию *Петроград*, которое было введено по царскому указу во время Первой мировой войны и было в ходу с 1914 по 1924 г. Наверное, этот вариант был не хуже, чем *Петербург*. И не только своей «русскостью», но и деривативными возможностями. Во всяком случае *петроградцы* удобнее, чем *петербуржцы*. Но было выбрано исторически предшествующее имя *Петербург*. И тоже не без оснований. Однако при этом, к сожалению, сыграл отрицательную роль своего рода исторический пуризм. Было восстановлено громоздкое *Санкт-Петербург*, которое и в дореволюционной России употреблялось только официально. На создание такого топонимического чудища, как *Санкт-Петербургская область*, реформаторы то ли не решились, то ли просто запомнили в перестроечной суматохе, что надо бы и область переименовать. В результате получилась еще одна неурядица – *Санкт-Петербург*, но *Ленинградская область*. Трудно сказать, как будут дальше развиваться события. Конечно, изъять звуковой комплекс *санкт-* теперь уже непросто, хотя этот в полном смысле слова семантически пустой для русских, употребляемый только в официальных документах компонент не только *de facto* является избыточной информацией. Шесть знаков, миллионкратно воспроизводимых в печати, со временем обойдутся в немалую сумму, которая постоянно будет расти.

В тех случаях, когда историческое имя почему-либо не восстанавливается и дается новое название, как показывает практика, обычно преобладает та или иная форма метонимического переноса, т. е. используется смежный топоним. Это далеко не случайно, так как метонимический перенос господствует и в естественной оттопонимической деривации. Кроме того, он прост по механизму и (что особенно важно) обычно нейтрален политически, поскольку не связан с какими-либо личностями. Классический пример – *Волгоград*, удачно сохранивший нейтральный компонент предшествующего названия *Сталинград* и не менее (если не более) удачный эвфонически. Советские названия, основанные на метонимии, переименовывать не имело смысла, тем более что они могли быть не хуже, а иногда и лучше предшествующих дореволюционных. Таково, например, *Новосибирск* вместо *Новониколаевск*, которое было связано с Николаем II, но входило в ряд бесчисленных и потому однообразящих топонимическую систему отантропонимических названий, образованных от таких широко распространенных личных имен, как *Николай*. Для большого города наименование *Новосибирск* оказалось очень хорошей ономастической инновацией.

Именно метонимия как наиболее нейтральный и удобный прием могла быть использована и при решении сакраментального вопроса о названиях *Калининград* и *Калининградская область*. Хоть как рассуждай, а нелепо, что так именуется наше «окно в Европу» да еще и анклав. Казалось бы, проще всего калькировать немецкое *Königsberg*, но кальки «Королевская гора», «Царь-гора» вызывают массу

аллюзий самого разного рода. Не лучше и *Князьгора*. У этих наименований общий недостаток: они, сохраняя немецкую семантику, структурно не соответствуют русским названиям городов. Можно было бы, конечно, изобрести кальку *Королевск* и затем связать с фамилией знаменитого конструктора С. П. Королева, переделав в *Королёвск*. Но есть уже город *Королёв* в Московской области, который – и это ирония истории – до 1996 г. именовался *Калининградом*.

Другой путь – метонимия. В этом случае находится приемлемое название для области – *Балтийская* или *Прибалтийская*. Но город *Балтийск* – база Балтфлота – уже есть. Место, так сказать, занято. Кроме того, из-за Балтийска переименовывать Калининград в *Прибалтийск* нежелательно – названия слишком близки и создается возможность смешения. Остается искать для Калининграда другое имя, которое не связано и с потенциальным наименованием области *Прибалтийская*. Или находить какие-то совсем иные решения как для названия области, так и для ее центра. В любом случае это очень нелегкая задача, что и хотелось показать.

Если подвести некоторые итоги, то очевидно, что с последствиями волн волюнтаризма в урбономинии страна до сих пор не справилась. Более того, борьба с ошибками прошлого подчас происходила опять-таки не на уровне разумной креативности, а на фоне того же волюнтаризма.

Катаклизмы XX в. по существу стерли с лица земли русскую народную речь. Пострадала и топонимия, особенно микротопонимия, которая исчезала целыми пластами. Их уже не вернуть. «Опечатки» в урбономинии, к счастью, устранимы, но только если с именем будут обращаться уважительно, осторожно и компетентно, памятуя о том, что оно является или станет памятником нашей истории и культуры. Искусственная номинация предполагает грамотную топонимическую политику, а для этого страна должна не только укрепиться материально, но и вырасти духовно.

Матичак Ш. К этимологическому исследованию гидронимов (на мордовском материале)
// *Onomastica Uralica*. 2007. № 5. С. 31–43.
Уральский краеведческий журнал. 2007. № 2.

* * *

Александр Константинович Матвеев – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).